

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Михайлова Оксана Рудольфовна

Возможности применения эго-сетевого анализа
для изучения распространения моральной паники (на примере ожирения)

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:

доцент, к.с.н. Быков Андрей Вячеславович

Москва – 2022

Актуальность исследования и постановка проблемы

Моральная паника (МП) – это один из коллективных социальных процессов, возникающих вследствие тревог, испытываемых на групповом уровне¹. В ходе этого процесса люди чувствуют сильную обеспокоенность поведением определенного субъекта или группы субъектов, поскольку верят в современную легенду – нарратив о том, что данные акторы существуют и их поведение не соответствует текущим моральным нормам². Как следствие, эти моральные девианты (в терминах теории МП – «народные дьяволы») рассматриваются как угроза сохранности общества в его нынешнем состоянии. Широко известным примером подобного рода паники является сатанинская МП, в ходе которой циркулирует современная легенда о том, что во всем мире действует тайная сеть сатанистов, члены которой регулярно проводят жестокие ритуалы, насилюют детей и женщин, похищают людей и совершают другие девиантные поступки. Пик этой паники в Америке пришелся на 80-е гг. 20 века.

Понятие МП одновременно появилось в работах социологического и криминологического характера³, и спустя годы стало использоваться представителями различных научных областей: социологии, коммуникационных исследований, психологии и др. Оно также стало употребляться и в неакадемических контекстах, в частности, в СМИ. В связи с тем, что концепт МП обрел популярность сразу в нескольких дисциплинах, исследователи стали поднимать вопросы о состоянии научного поля, целесообразности ревизии понятия или вовсе отказа от него в связи с

¹ *Garland D.* On the concept of moral panic // *Crime, Media, Culture*. 2008. Vol. 4. №. 1. P. 9-30.

² *Victor J. S.* Moral panics and the social construction of deviant behavior: A theory and application to the case of ritual child abuse // *Sociological Perspectives*. 1998. Vol. 41. №. 3. P. 541-565.

³ *McLaughlin E.* See also Young, 1971: Marshall McLuhan, moral panics and moral indignation // *Theoretical Criminology*. 2014. Vol. 18. №. 4. P. 422-431.

особенностями его происхождения⁴. В частности, одной из проблем, на которую указывают критики, является недостаточность внимания, уделяемого роли аудитории в распространении МП⁵. В результате, несмотря на то что МП может передаваться не только через СМИ, но и в процессе межличностного взаимодействия (например, через сплетни), именно воздействие СМИ на аудиторию выступает в качестве первостепенного предмета интереса для социальных исследователей. Такая стратегия изучения распространения МП может давать некорректную информацию о механике явления из-за недооценки роли межличностной коммуникации, что, в свою очередь, осложняет определение тенденций развития подобных процессов. Соответственно, возникает необходимость в разработке альтернативных способов исследования диффузии МП, в частности, на микроуровне – «от человека к человеку»⁶.

В данной диссертации предлагается теоретико-методологический подход, который позволит решить обозначенное затруднение в современных исследованиях МП. При этом МП определяется как следствие веры в современную легенду, т.е. убежденности в существовании актора или группы акторов, чье поведение нарушает социетальные моральные стандарты. Не все типы современных легенд могут вызывать МП: в основу МП оказываются только те из них, которые имеют негативный, в некоторых случаях даже стигматизирующий характер. Легенды же, заключающие в себе шуточный нарратив, где не упоминается нанесение серьезного вреда героям, обычно не вызывают массовых страхов и тревог и, скорее, выполняют функцию

⁴ *McRobbie A., Thornton S. L.* Rethinking 'moral panic' for multi-mediated social worlds // *British journal of sociology*. 1995. Vol. 46. № 4. P. 559-574. *Hunt A.* 'Moral panic' and moral language in the media // *British Journal of Sociology*. 1997. Vol. 48. № 4. P. 629-648. *Garland D.* On the concept of moral panic // *Crime, Media, Culture*. 2008. Vol. 4. № 1. P. 9–30. *Altheide D. L.* Moral panic: From sociological concept to public discourse // *Crime, Media, Culture*. 2009. Vol. 5. № 1. P. 79–99. *Miller T.* Tracking moral panic as a concept. In: C. Krinsky (eds) *The Ashgate Research Companion to Moral Panics*, London: Routledge, 2016; 37–54 p.

⁵ *David M. et al.* The idea of moral panic—ten dimensions of dispute // *Crime, Media, Culture*. 2011. Vol. 7. № 3. P. 215–228.

⁶ В резюме термины диффузия, механика, распространение используются как синонимы.

развлекательной истории, которую рассказывают для поддержания непринужденной беседы⁷.

С точки зрения методологии, предложенный подход основывается на демонстрации возможностей применения эго-сетевого анализа для измерения распространения МП на межиндивидуальном уровне. Эго-сетевой анализ – это техника сбора и анализа персональных социальных связей человека, которая используется в качественных и количественных исследованиях, а также исследованиях, выполненных в традиции смешанных методов. Он уже применялся для анализа диффузии различных социальных представлений, например идеологий / дискурсов / установок⁸, однако его потенциал для анализа распространения МП еще не был отрефлексирован и уточнен.

Предлагаемый подход к измерению диффузии МП на межиндивидуальном уровне апробируется на примере паники по поводу ожирения. Последнее рассматривается некоторыми исследователями как социально-сконструированная проблема⁹. В ее формировании на макроуровне считаются задействованными СМИ, государство, научное сообщество, специалисты, занимающиеся общественным здоровьем¹⁰. На микроуровне воспроизводству этой МП способствуют индивиды, выстраивающие свою жизнь в соответствии с представлением о существовании такой значимой проблемы как ожирение. Легенда, циркулирующая в ходе данной МП, состоит о том, что полные люди, будучи виноватыми в своей полноте по причине

⁷ Определяя МП через веру в современную легенду, я сознательно опускаю дискуссию относительно дефиниций МП, поскольку данная работа имеет методический фокус. Однако исследователи ставят целый ряд вопросов относительно данного концепта. В частности, в литературе по теме обсуждаются трудности операционализации этого понятия, ценностная окрашенность и необходимость ограничения круга эмпирических явлений, к которым оно применяется см. *David M. et al.* The idea of moral panic—ten dimensions of dispute // *Crime, Media, Culture*. 2011. Vol. 7. №. 3. P. 215-228.

⁸ *Bernhard S.* Analyzing meaning-making in network ties—A qualitative approach // *International Journal of Qualitative Methods*. 2018. Vol. 17. №. 1. P. 1-11.

⁹ *Monaghan L. F., Hollands R., Prtichard G.* Obesity epidemic entrepreneurs: Types, practices and interests // *Body & Society*. 2010. Vol. 16. №. 2. P. 37–71.

¹⁰ Там же.

«нездорового» образа жизни, создают серьезную нагрузку на систему здравоохранения страны, а также становятся обузой для своих родственников и знакомых¹¹. Кроме того, они формируют неправильные ориентиры для детей и молодежи, нормализуя наличие лишнего веса. В связи с этим, согласно МП, таких людей необходимо лечить, приводить в форму и всячески способствовать тому, чтобы они похудели и пришли к «нормальному» весу, иначе общество будет продолжать нести издержки, связанные с обеспечением их жизни. Я называю людей, разделяющих подобные представления, моральными паникерами, а не моральными предпринимателями, поскольку имею в виду не только тех людей, кто распространяет МП осознанно, но и тех, кто делает это непреднамеренно, через воспроизведение знания/осуществление практик, свойственных людям, верящим в современную легенду, которая лежит в ядре данной МП. При этом в число лиц, которых я причисляю к тем, кто составляет аудиторию МП, входят обыватели, которые не распространяют МП вовсе, и те, кто делают это непреднамеренно. Таким образом, мое понятие морального паникера включает в себя моральных предпринимателей, а также некоторых представителей публики, распространяющих легенду нецеленаправленно: например, тех, кто рассматривает анорексию не как болезнь, а как стиль жизнь, то есть идентифицирует себя с про-ана культурой¹². Среди подобных лиц и были проведены биографические интервью и собраны эго-сетевые и дневниковые данные.

Итак, данная *диссертация сфокусирована на разработке методологии для изучения распространения МП на межиндивидуальном уровне*. Такая методология, сделает извлечение информации о восприятии аудиторией паники более валидным и

¹¹ Murray S. Pathologizing «fatness»: Medical authority and popular culture // *Sociology of Sport Journal*. 2008. Vol. 25. № 1. P. 7–21.

¹² Fox N., Ward K., O'Rourke A. Pro-anorexia, weight-loss drugs and the internet: an 'anti-recovery' explanatory model of anorexia // *Sociology of health & illness*. 2005. Vol. 27. №. 7. P. 944–971.

поможет расширить знания исследователей о механизмах ее диффузии. Кроме того, данная работа раскрывает новую область применения эго-сетевого анализа. При этом важно отметить, что распространение МП на межиндивидуальном уровне проходит в контексте комплексной системы источников культурных дискурсов, например СМИ, документов по социальной политике, научной и религиозной литературы и др. В связи с этим, использование эго-сетевого анализа в исследованиях МП в перспективе требует дополнительных усилий по (1) отделению эффектов подобных источников трансляции современной легенды от влияния межиндивидуального взаимодействия и (2) выявлению их кумулятивных с межиндивидуальным взаимодействием эффектов воздействия на индивидуальную веру в легенду. В настоящей работе данная проблема обозначается, однако ее более глубокая рефлексия оставляется для дальнейших исследований.

Степень разработанности проблемы

Теория МП является одним из подходов к объяснению появления и воспроизводства девиантного поведения. Авторство понятия и сопутствующей ему теоретической рамки принадлежит двум исследователям – Д. Янгу и С. Коэну¹³. Приписывание народным дьяволам, рассматриваемым обществом как девиантная группа, ответственности за текущий порядок вещей в ходе распространения МП помогает снятию социального напряжения (канализации накопленных коллективных страхов и тревог за будущее общества). Девиация, в свою очередь, представляет собой важнейший предмет интереса для социологических исследований. Эта тема находилась

¹³ *Young J.* The role of the police as amplifiers of deviancy, negotiators of reality and translators of fantasy // *Images of deviance*. 1971. Vol. 37. P. 27–61. *Cohen S.* Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers. London: MacGibbon and Kee, 1972. – 224 p.

в фокусе внимания таких представителей классической социологической традиции как Э. Дюркгейм, А. Шюц, Г. Зиммель, Г. Тард, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Сорокин и многих других¹⁴. Настоящая диссертационная работа с точки зрения *теоретических оснований* укоренена в конструктивистском подходе к анализу девиации¹⁵, который так или иначе сфокусирован на прояснении социальных механизмов воспроизводства представлений об отклоняющемся от нормы поведении.

Наиболее существенный вклад в развитие эпистемологических перспектив теории МП, помимо ее авторов, внесли такие зарубежные исследователи как Н. Бен-Йехуда и Э. Гуд, Ч. Критчер, С. Холл, Д. Бест, С. Хиер, А. Хант, К. Томпсон, Д. Гарланд, П. Ваддингтон, А. Макробби, С. Торнтон и Ф. Дженкинс¹⁶. В отечественной литературе особенно плотно занимались развитием теории МП

¹⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство / Под ред. Базарова В.А.. СПб: Н. П. Карбасников, 1912. – 541 с. Шюц, А. Чужак: социально психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549. Зиммель Г. Экскурс о чужаке / Пер. с нем. А. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 9–14. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М.: ИНФРА-М, 2004. – 391 с. Parsons T. The social system. Glencoe, Ill.: Free Press, 1951. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева и др. под ред. З. В. Кагановой. М: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с. Сорокин П. А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 104–114.

¹⁵ Goffman E. Stigma: notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963. – 147 p. Lemert E. M. C. Human deviance, social problems, and social control. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967. – 277 p. Lofland J. et al. Deviance and identity. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1969. – 330 p. Schur E. M. Labeling Deviant Behavior: Its Sociological Implications. New York: Harper and Row, 1973. – 187 p. Becker, H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. London.: Free Press, 1963. – 179 p. Dotter D. L. Creating Deviance: An Interactionist Approach. Walnut Creek, Calif.: Altamira Press, 2004. – 345 p. Adler P. A., Adler P. The deviance society // Deviant Behavior. 2006. Vol. 27. № 2. P. 129–148.

¹⁶ Goode E., Ben-Yehuda N. Moral panics: the social construction of deviance. Chichester, UK: Wiley-Blackwell, 2009. – 299 p. Critcher C. Moral Panic Analysis: Past, Present and Future // Sociology Compass. 2008. Vol. 2. № 4. P. 1127–1144. Hall S. Theorizing Crime & Deviance: A New Perspective. London, UK: Sage Publications, 2013. – 294 p. Best J. How claims spread: cross-national diffusion of social problems. New York, NY: Aldine de Gruyter, 2001. Hier S. P. Moral panic and the politics of anxiety. London; New York: Routledge, 2011. Hunt A. Governing morals: a social history of moral regulation. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Thompson K. Moral panics. London; New York: Routledge, 2005. Garland D. On the concept of moral panic // Crime, Media, Culture. 2008. Vol. 4. № 1. P. 9–30. Waddington P. A. J. Mugging as a Moral Panic: A Question of Proportion // The British Journal of Sociology. 1986. Vol. 37. № 2. P. 245–249. McRobbie A., Thornton S. L. Rethinking 'moral panic' for multi-mediated social worlds // British journal of sociology. 1995. Vol. 46. № 4. P. 559–574. Jenkins P. Failure To Launch: Why Do Some Social Issues Fail to Detonate Moral Panics? // British Journal of Criminology. 2009. Vol. 49. № 1. P. 35–47.

И. Ясавеев, П. Мейлахс и А. Ефанов¹⁷.

Исследование динамики МП является одним из центральных предметов изучения в данной научной области. В большей мере диффузия МП рассматривается в социально-исторических исследованиях и анализе СМИ¹⁸. С измерением динамики распространения МП напрямую связан анализ восприимчивости публики (аудитории) к содержанию современной легенды, осуществляющийся с помощью фокус-групп, экспериментов, опросов и этнографии¹⁹. Несмотря на то что перечисленные стратегии решают проблему измерения аудитории МП и позволяют оценить восприятие людьми современной легенды, они обладают, как минимум, двумя значительными недостатками: *1) не дают возможности напрямую изучить процесс включения человека в МП, а также; 2) в них не учитывается влияние социального окружения и его различных сетевых характеристик на восприятие человеком современной легенды*²⁰.

Данная диссертационная работа направлена на разработку теоретико-методологического подхода, который закладывает предпосылки для преодоления этих недостатков.

¹⁷ Ясавеев И. Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации: дисс. ... доктор. соц. наук: 22.00.04. Казань., 2006. – 316 с. Мейлахс П. А. Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Санкт-Петербург., 2006. – 195 с. Ефанов А. А. Моральные паники как фактор социальных изменений. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Оренбург., 2016. – 179 с.

¹⁸ Critcher C., Pearce J. A missing dimension: The social psychology of moral In: C. Krinsky (Eds), The Ashgate Research Companion to Moral Panics. London: Routledge, 2016; p. 371–386.

¹⁹ Johnen M., Jungblut M., Ziegele M. The digital outcry: What incites participation behavior in an online firestorm? // New media & Society. 2018. Vol. 20. №. 9. P. 3140-3160. Pearce J. M., Charman E. A social psychological approach to understanding moral panic // Crime, Media, Culture. 2011. Vol. 7. №. 3. P. 293-311. Schildkraut J., Elsass H. J., Stafford M. C. Could it happen here? Moral panic, school shootings, and fear of crime among college students // Crime, Law and Social Change. 2015. Vol. 63. №. 1-2. P. 91-110. Flores-Yeffal N. Y., Vidales G., Plemons A. The Latino cyber-moral panic process in the United // Information, Communication & Society. 2011. Vol. 14. №. 4. P. 568–589.

²⁰ Подробнее в статье: Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 28–47.

В зарубежных эмпирических исследованиях теоретическая рамка МП используется в связи с широким кругом вопросов, касающихся как исторически центральной для нее проблематики (дети и молодежь), так и относительно новых сюжетов (животные, технологические риски, здоровье)²¹. Российские ученые, в свою очередь, в основном изучают феномен МП в связи с ВИЧ / СПИД²², делинквентным поведением²³, детьми и молодежью²⁴. Я рассматриваю возможности применения эго-сетевого анализа для исследования межиндивидуального распространения МП на примере ожирения. Впервые рассматривать этот феномен как МП предложили П. Кампос и его коллеги²⁵. Вклад в развитие этой оптики в наибольшей мере внесли Л. Монаган, Э. Сагуй, С. Мюррей, Е. Рич и Н. Боеро²⁶. В отечественной социологии тела, которую можно считать идейно близкой к подобному подходу к анализу ожирения, особое значение имеют работы А. Подорога, Д. Михеля, И. Кона, В. Круткина, И. Сохань, А. Темкиной, А. Ваньке, Е. Гольман, Е. Омельченко,

²¹ *Cohen S.* Folk devils and moral panics: the creation of the Mods and Rockers. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2011. – 282 p.

²² *Ясавеев И. Г.* Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации: дисс. ... доктор. соц. наук: 22.00.04. Казань., 2006. – 316 с.

²³ *Макаров А. С.* Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Нижний Новгород., 2007. – 186 с. *Мейлахс П. А.* Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге. дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Санкт-Петербург., 2006. – 195 с.

²⁴ *Омельченко Е. Л.* Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI в. в.: дис. ... доктор. соц. наук: 22.00.06. Москва., 2005. – 366 с. *Городецкая П. И.* Социальная интерпретация конструирования защиты прав детей-сирот в трансформирующемся российском обществе: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. Саратов, 2008. – 128 с. *Громов Д. В.* «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // Историческая психология и социология истории. 2012. Т. 5. № 1. С. 164–178.

²⁵ *Campos P. et al.* The epidemiology of overweight and obesity: public health crisis or moral panic? // International journal of epidemiology. 2006. Vol. 35. № 1. P. 55–60.

²⁶ *Monaghan L. F., Hollands R., Pritchard G.* Obesity Epidemic Entrepreneurs: Types, Practices and Interests // Body & Society. 2010. Vol. 16. № 2. P. 37–71. *Saguy A. C., Gruys K., Gong S.* Social Problem Construction and National Context: News Reporting on «Overweight» and «Obesity» in the United States and France // Social Problems. 2010. Vol. 57. № 4. P. 586–610. *Murray S.* Pathologizing «fatness»: Medical authority and popular culture // Sociology of Sport Journal. 2008. Vol. 25. № 1. P. 7–21. *Rich E.* ‘I see her being obese!’: Public pedagogy, reality media and the obesity crisis // Health (London). 2011. Vol. 15. № 1. P. 3–21. *Boero N.* All the News that’s Fat to Print: The American “Obesity Epidemic” and the Media // Qualitative Sociology. 2007. Vol. 30. № 1. P. 41–60.

С. Бардиной, Д. Куракина, А. Кондакова, П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой, Н. Нартовой, Я. Крупец, Е. Орех и др.²⁷.

Тем не менее, до сих пор в исследованиях ожирения как МП (и в исследованиях МП в целом) практически не представлены подходы, позволяющие изучать динамику распространения МП на межличностном уровне. Кроме того, имеются сложности с рассмотрением ожирения через призму теории МП в различных культурных контекстах. Вероятно, это связано с тем, что в разных странах степень значимости ожирения как насущной социальной проблемы варьируется: борьбу с избыточным весом далеко не всегда рассматривают как национальный приоритет, и обсуждение ожирения в моральном ключе не находится в фокусе традиционных СМИ. Вместе с тем, представляется продуктивным применение этого подхода (рассмотрения ожирения как МП) к потребительскому поведению на микроуровне, поскольку практики принятия пищи, кормления, выбора продуктов, а также контроля за весом тела при помощи физических упражнений, косметических, хирургических процедур распространены сейчас в большинстве стран.

²⁷ Подорога В.А. Феноменология тела: введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с. Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000. – 171 с. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово/Slovo, 2003. – 432 с. Круткин В.Л. Телесность человека в онтологическом измерении // *Общественные науки и современность*. 1997. № 4. С. 143–151. Сохань И.В. Производство женской телесности в современном массовом обществе: культ худобы и тирания стройности // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 2. С. 68–77. Темкина А. А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12. № 3. С. 321–336. Ваньке А.В. Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий: дисс. канд. соц. наук: 22.00.01. М., 2013. – 227 с. Гольман Е.А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования. дисс. канд. соц. наук: 22.00.01. М. 2015. – 239 с. Pro Тело. Молодежный контекст. Сб. статей / Под ред. Е. Омельченко, Н. Нартовой. СПб: Алетейя, 2013. — 282 с. Бардина С. М. Взгляд, тело и социальное взаимодействие: проблема искаженного восприятия собственного тела при анорексии // *Социология Власти*. 2016. Т. 28. № 1. С. 35–54. Куракин Д.Ю. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа // *Социологическое обозрение*. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 56–74. Кондаков А. Послесловие. Путеводитель по вселенным Джудит Батлер // Батлер Дж. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 219–230. Романов П.В., Ярославская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. 7. № 2. С. 115–137. Орех Е. А. Феномен лукизма и возможности его социологического анализа // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 3. С. 67–81.

В этой связи в данной диссертации я обращаюсь к группе акторов, конструирующих МП об ожирении на микроуровне в ходе межличностных взаимодействий, которые до этого не рассматривались представителями концепции ожирения как МП в качестве переносчиков этой паники²⁸. Апробация инструментария проводится в исследовании онлайн сообществ людей, относящихся к анорексии как к стилю жизни, а не как к болезни, поэтому релевантными для меня также являются публикации, касающиеся этих сообществ (т.н. «про-ана» культуры). Наиболее значимыми зарубежными работами, посвященными про-ана культуре, являются статьи Н. Фокса, К. Вард и А. Рурке, Н. Боеро и Ч. Паское, К. Бейтс, С. Хааса, М. Ирр, Н. Дженнингс и Л. Вагнер, М. Тойфеля, Е. Хоффер, Ф. Джунне, Х. Соьер, С. Зипфеля, К. Гиль и Дж. Кобб²⁹. В русскоязычной литературе особый интерес представляют статьи Т. Щурко, Д. Литвиной и П. Остроуховой, которые предлагают социологический анализ рецепции элементов данной культуры в России³⁰.

Помимо этого, важными для моего диссертационного исследования являются публикации, рассматривающие анорексию в реляционной перспективе. В классических

²⁸ Подробнее в статье: Mikhaylova O. Folk devils or moral entrepreneurs? Gap bridging in the social studies of pro-ana communities // *Deviant Behavior*. 2022. Vol. 43. No. 8. P. 912-925.

²⁹ Fox N., Ward K., O'Rourke A. Pro-anorexia, weight-loss drugs and the internet: an 'anti-recovery' explanatory model of anorexia // *Sociology of health & illness*. 2005. Vol. 27. № 7. P. 944-971. Boero N., Pascoe C. J. Pro-anorexia communities and online interaction: Bringing the pro-ana body online // *Body & Society*. 2012. Vol. 18. № 2. P. 27-57. Bates C. F. «I am a waste of breath, of space, of time»: Metaphors of self in a pro-anorexia group // *Qualitative Health Research*. 2015. Vol. 25. № 2. P. 189-204. Haas S. M. *u др.* Communicating thin: A grounded model of Online Negative Enabling Support Groups in the pro-anorexia movement // *New Media & Society*. 2011. Vol. 13. № 1. P. 40-57. Teufel M. *u др.* A comparative analysis of anorexia nervosa groups on Facebook // *Eating and Weight Disorders*. 2013. Vol. 18. № 4. P. 413-420. Cobb G. "This is not pro-ana": Denial and disguise in pro-anorexia online spaces // *Fat Studies*. 2017. Vol. 6. № 2. P. 189-205.

³⁰ Щурко Т. А. Фокусируясь на женской телесности: медики, социологи и женские интернет-сообщества о проблеме «нарушений пищевого поведения» // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 3. С. 381-404. Литвина Д. А., Остроухова П. В. Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13. № 1. С. 33-88.

психологических исследованиях³¹, а также в сетевом анализе³², как отдельном направлении, достаточно давно известно, что окружение человека может быть связано с его установками, практиками по отношению к своему телу и пищевым поведением. Литература, которая раскрывает особенности социальных связей людей с анорексией, а также тех из них, которые относят свои взгляды к «про-ана», включает исследования привязанности и социальной поддержки³³. Эти публикации показывают, что люди с анорексией могут испытывать затруднения в общении, чувствовать себя социально изолированными. Также нередко такие люди сообщают о низких уровнях социальной поддержки со стороны семьи и «значимых других».

Кроме того, для моей диссертации важен корпус работ, касающихся разговоров о еде, теле и ожирении (FBF (fatness, body and food-related) talks) в семье и за ее пределами³⁴. Данные публикации значимы, так как они демонстрируют связь между модальностью³⁵ разговоров на упомянутые темы с членами социального окружения и формированием индивидуального отношения к образу собственного тела и, говоря

³¹ Например, в психодинамических психологических исследованиях: *Caparrotta L., Ghaffari K.* A historical overview of the psychodynamic contributions to the understanding of eating disorders // *Psychoanalytic Psychotherapy*. 2006. Vol. 20. №. 3. P. 175-196.

³² *Fletcher A., Bonell C., Sorhaindo A.* You are what your friends eat: systematic review of social network analyses of young people's eating behaviours and bodyweight // *Journal of Epidemiology & Community Health*. 2011. Vol. 65. №. 6. P. 548-555.

³³ *Tiller J. M. et al.* Social support in patients with anorexia nervosa and bulimia nervosa // *International journal of eating disorders*. 1997. Vol. 21. №. 1. P. 31-38. *Birmachu A. M., Heidelberger L., Klem J.* Rumination and perceived social support from significant others interact to predict eating disorder attitudes and behaviors in university students // *Journal of American College Health*. 2021. Vol. 69. № 5. P. 488-494. *Cardi V. et al.* Social difficulties as risk and maintaining factors in anorexia nervosa: a mixed-method investigation // *Frontiers in Psychiatry*. 2018. Vol. 9. № 12. P. 1-10. *Okada L. M. et al.* Association between exposure to interpersonal violence and social isolation, and the adoption of unhealthy weight control practices // *Appetite*. 2019. Vol. 142. P. 1-7. *Pace U., D'Urso G., Zappulla C.* Negative eating attitudes and behaviors among adolescents: The role of parental control and perceived peer support // *Appetite*. 2018. Vol. 121. P. 77-82. *Patel K., Tchanturia K., Harrison A.* An exploration of social functioning in young people with eating disorders: A qualitative study // *PLoS One*. 2016. Vol. 11. №. 7. P. 1-23.

³⁴ *O'Dougherty M. et al.* Dual conversations: Body talk among young women and their social contacts // *Qualitative health research*. 2011. Vol. 21. №. 9. P. 1191-1204. *Roach E. et al.* Family food talk, child eating behavior, and maternal feeding practices // *Appetite*. 2017. Vol. 117. P. 40-50. *Shannon A., Mills J. S.* Correlates, causes, and consequences of fat talk: A review // *Body image*. 2015. Vol. 15. P. 158-172.

³⁵ Примером негативной модальности является буллинг, а позитивной – похвала.

глубже, системы взглядов, которая складывается у человека по отношению к собственному пищевому поведению, а также пищевому поведению других людей. Это важно, потому что частью описанной системы выступает склонность человека к приписыванию моральных смыслов избыточному весу тела³⁶. В свою очередь, такое приписывание лежит в ядре современной легенды об ожирении, которая распространяется в ходе соответствующей МП.

Несмотря на то что на данный момент исследователями были описаны некоторые особенности как офлайн, так и онлайн контактов людей с анорексией (и про-ана людей в частности³⁷), работ, которые дают представление о количественных параметрах персональных сетей³⁸, а также о порядке взаимодействия индивидов-носителей паники с социальным окружением, не так много³⁹. К тому же имеющиеся публикации по теме выполнены в основном на базе эмпирического материала западных стран, тогда как подобные публикации, посвященные иным культурным контекстам, практически отсутствуют. Эта диссертация, напротив, опирается на полевой материал, собранный в русскоязычном, постсоветском пространстве и поэтому позволяет расширить исследовательскую осведомленность о специфике построения персональных связей людьми с анорексией из незападных обществ.

³⁶ Ringel M. M., Ditto P. H. The moralization of obesity // *Social Science & Medicine*. 2019. Vol. 237. P. 1–10.

³⁷ Tubaro P. et al. Sociability and support in online eating disorder communities: Evidence from personal networks // *Network Science*. 2014. Vol. 2. №. 1. P. 1-25. Pallotti F. et al. “You see yourself like in a mirror”: the effects of internet-mediated personal networks on body image and eating disorders // *Health communication*. 2018. Vol. 33. №. 9. P. 1166-1176. Wang T. et al. Social interactions in online eating disorder communities: A network perspective // *PloS One*. 2018. Vol. 13. №. 7. P. 1–17.

³⁸ В этом исследовании, несмотря на фокус на качественную типологизацию распространения, описываются и количественные характеристики персональных сетей моральных паникеров. Однако это не является центром исследовательского внимания ввиду не большого размера выборки для осуществления полноценных количественных оценок.

³⁹ Leonidas C., Dos Santos M. A. Social support networks and eating disorders: An integrative review of the literature // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2014. Vol. 10. P. 915-927.

С методологической точки зрения моя диссертация опирается на эго-сетевой анализ и биографический метод, поскольку сбор данных и анализ эго-сетей осуществляется при помощи проведения биографических интервью⁴⁰.

Эго-сетевой анализ является частью более широкой традиции сетевого анализа в социальных науках. В этой диссертации я применяю методы качественного и смешанного эго-сетевого анализа, в связи с чем большим методическим подспорьем при проведении диссертационного исследования была литература, касающаяся данной группы методов⁴¹. Эго-сеть, как правило, состоит из актора (эго), его альтеров (других акторов) и связей между ними⁴². Несмотря на то что в социальных науках качественные и смешанные исследования в целом получили широкое распространение уже достаточно давно, подобным образом сложно охарактеризовать сетевой анализ. В этих дисциплинах осмысление возможностей, предоставляемых качественной логикой сетевого исследования, а также смешанными методами сетевого исследования, началось только в конце XX века⁴³. Более того, в литературе до сих пор ведутся споры относительно того, существует ли качественный сетевой анализ как самостоятельное направление или же является частью смешанного⁴⁴.

Вместе с тем качественные и смешанные методы сбора сетевых данных активно используются в различных областях социальной психологии⁴⁵, политической

⁴⁰ Armitage N. The biographical network method // Sociological Research Online. 2016. Vol. 21. №. 2. P. 165-179.

⁴¹ Domínguez S., Hollstein B. Mixed methods social networks research: Design and applications. New York: Cambridge University Press, 2014. – 373 p.

⁴² Crossley N. et al. Social network analysis for ego-nets: Social network analysis for actor-centred networks. London: Sage Publications, 2015. – 209 p.

⁴³ Bellotti E. Qualitative networks: mixed methods in sociological research. Abingdon, Oxon: Routledge, 2015.

⁴⁴ Diaz-Bone R. Gibt es eine qualitative Netzwerkanalyse? // Historical Social Research. 2008. Vol. 126. № 4. P. 311–343. Bellotti E. Qualitative Methods and Visualizations in the Study of Friendship Networks // Sociological Research Online. 2016. Vol. 21. № 2. P. 198–216.

⁴⁵ Straus F. Netzwerkanalysen. Gemeindepsychologische Perspektiven für Forschung und Praxis. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 2002. – 339 s.

социологии⁴⁶, социологии семьи⁴⁷ и этнологии⁴⁸. Методологические подходы качественного и смешанного сетевого анализа появились в результате критики классических сетевых исследований за формализм статистических расчетов, не учитывающий богатую палитру смыслов, которые люди вкладывают в свои социальные связи⁴⁹. Эти подходы берут свое начало в реляционной социологии и Манчестерской школе антропологии⁵⁰.

Наиболее существенный вклад в разработку теоретико-методологических оснований современного эго-сетевого анализа, и сетевого анализа в целом, был внесен в теоретических и эмпирических исследованиях М. Грановеттера, Б. Веллмана, С. Боргатти, С. Вассермана, Г. Робинса, Т. Снайдерса, Д. Кракхардта, Р. Бурта, Т. Валенте, В. Батагеля и А. Ферлигой и многих других⁵¹. Кроме того,

⁴⁶ *Broadbent J.* "Movement in context: Thick networks and Japanese environmental protest." In: M. Diani, D. McAdam (Eds.), *Social Movements and Networks. Relational Approaches to Collective Action*. Oxford: Oxford University Press, 2003; 204–229 p.

⁴⁷ *Hollstein B.* Netzwerkveränderungen verstehen. Zur Integration von struktur-und akteurstheoretischen Perspektiven // *Berliner Journal für Soziologie*. 2003. Vol. 13. №. 2. P. 153-174.

⁴⁸ *Trotter R.* Friends, relatives and relevant others: Conducting ethnographic network studies." In: J. J. Schensu, Magaret, D. LeCompte, R. T. Trotter, E. K. Cromley, Singer M. (Eds.), *Mapping Social Networks, Spatial Data, and Hidden Populations. Ethnographers Toolkit*. Walnut Creek, CA: Altamira Press, 1999; 1–50 p.

⁴⁹ *Emirbayer M., Goodwin J.* Network analysis, culture, and the problem of agency // *American journal of sociology*. 1994. Vol. 99. №. 6. P. 1411-1454. *Brint S.* Hidden meanings: Cultural content and context in Harrison White's structural sociology // *Sociological theory*. 1992. Vol. 10. №. 2. P. 194-208. *White H. C., Boorman S. A., Breiger R. L.* Social structure from multiple networks. I. Blockmodels of roles and positions // *American journal of sociology*. 1976. Vol. 81. №. 4. P. 730-780.

⁵⁰ *Mitchell J. C.* Social networks in urban situations: analyses of personal relationships in Central African towns. Manchester: Manchester University Press, 1969. – 378 p. *Emirbayer M.* Manifesto for a relational sociology // *American journal of sociology*. 1997. Vol. 103. №. 2. P. 281–317. *Crossley N.* *Towards relational sociology*. London: Routledge, 2008. – 256 p.

⁵¹ *Грановеттер М.* Сила слабых связей / Пер. с англ. З.В. Котельниковой // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50. *Wellman B., Carrington P., Hall A.* *Networks as Personal Communities*. Toronto: Centre for Urban and Community Studies, University of Toronto, 1985. – 82 p. *Borgatti S. P.* Identifying sets of key players in a social network // *Computational & Mathematical Organization Theory*. 2006. Vol. 12. № 1. P. 21–34. *Wasserman S., Faust K.* *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 825 p. *Robins G. et al.* An introduction to exponential random graph (p*) models for social networks // *Social networks*. 2007. Vol. 29. №. 2. P. 173-191. *Krackhardt D.* Cognitive social structures // *Social networks*. 1987. Vol. 9. № 2. P. 109–134. *Burt R. S.* Some properties of structural equivalence measures derived from sociometric choice data // *Social Networks*. 1988. Vol. 10. № 1. P. 1–28. *Valente T. W.* *Social networks and health: models, methods, and applications*. Oxford: Oxford University Press, 2010. – 296 p. *Batagelj V., Ferligoj A., Doreian P.* Direct and indirect methods for structural equivalence // *Social networks*. 1992. Vol. 14. № 1–2. P. 63–90.

институционализации качественных и смешанных методик сбора и анализа эго-сетевых данных среди зарубежных исследователей поспособствовали М. Смолл, К. Фишер, К. Бидарт, Б. Холлстейн, Н. Кроссли, М. Эверетт, Д. Эдвардс, Э. Беллотти, С. Лейнхардт, К. Маккарти, Ж. Молина, П. Тубаро и др.⁵².

В отечественной социологии перспективы применения сетевой методологии в эмпирических исследованиях были наиболее основательно рассмотрены в работах А. Чуракова, Г. Градосельской, Д. Мальцевой и Н. Басова⁵³. Сетевая методология чаще всего используется российскими учеными в прикладных исследованиях образования и науки⁵⁴, коллективного поведения в онлайн и оффлайн пространствах⁵⁵,

⁵² *Small M. L., Cook J. M.* Using Interviews to Understand Why: Challenges and Strategies in the Study of Motivated Action // *Sociological Methods & Research*. 2021. P. 1-41. *Fisher D.* Using Egocentric Networks to Understand Communication // *IEEE Internet Computing*. 2005. Vol. 9. № 5. P. 20–28. *Bidart C., Charbonneau J.* How to Generate Personal Networks: Issues and Tools for a Sociological Perspective // *Field Methods*. 2011. Vol. 23. № 3. P. 266–286. *Dominguez S., Hollstein B.* Mixed methods social networks research: Design and applications. New York: Cambridge University Press, 2014. – 373 p. *Crossley N. et al.* Social network analysis for ego-nets: Social network analysis for actor-centred networks. London: Sage Publications, 2015. – 209 p. *Bellotti E.* Qualitative networks: mixing methods in social research. London: Routledge, 2015. – 208 p. *Holland P. W., Leinhardt S.* The structural implications of measurement error in sociometry // *The Journal of Mathematical Sociology*. 1973. Vol. 3. № 1. P. 85–111. *McCarty C. et al.* A comparison of social network mapping and personal network visualization // *Field methods*. 2007. Vol. 19. № 2. P. 145–162. *Tubaro P., Ryan L., D'angelo A.* The Visual Sociogram in Qualitative and Mixed-Methods Research // *Sociological Research Online*. 2016. Vol. 21. № 2. P. 180–197.

⁵³ *Чураков А.* Анализ социальных сетей // *Социологические исследования*. 2001. Т. 1. С. 109–121. *Градосельская Г. В.* Анализ социальных сетей: дисс ... канд. соц. наук: 22.00.01. Москва., 2001. – 229 с. *Мальцева Д. В.* Сетевой подход в социологии: генезис идей, современное состояние и возможности применения: дисс. канд. соц. наук: 22.00.01. Москва., 2014. – 177 с. *Basov N., Kholodova D.* Networks of context: Three-layer socio-cultural mapping for a Verstehende network analysis // *Social Networks*. Vol. 69. 2022. P. 84-101.

⁵⁴ *Губа К. С., Семенов А. В.* В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. Т. 13. №. 3. С. 133-153. *Титкова В. В., Иванюшина В. А., Александров Д. А.* Популярность школьников и образовательная среда школы // *Вопросы образования*. 2013. №. 4. С. 145–167. *Докука С. В., Валеева Д. Р., Юдкевич М. М.* Козволюция социальных сетей и академических достижений студентов // *Вопросы образования*. 2015. №. 3. С. 44-65. *Maltseva D., Batagelj V.* Social network analysis as a field of invasions: Bibliographic approach to study SNA development // *Scientometrics*. 2019. Vol. 121. №. 2. P. 1085-1128.

⁵⁵ *Rykov Y. G., Meylakh P. A., Sinyavskaya Y. E.* Network structure of an AIDS-Denialist online community: identifying core members and the risk group // *American Behavioral Scientist*. 2017. Vol. 61. №. 7. P. 688–706. *Моисеев С. П., Девятко И. Ф.* Вирусный альтруизм или социальное заражение? Сравнительный анализ типов участия и механизмов вовлечения российских и украинских пользователей социальных медиа в благотворительную кампанию Ice Bucket Challenge // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21. №. 4. С. 154–181.

экономического поведения⁵⁶ и миграции⁵⁷.

Эго-сетевой анализ в этой диссертации совмещается с биографическим методом. Соединение этих двух методологических инструментов дает возможность сочетания количественных описаний трансформаций социального окружения моральных паникеров с качественными. Получив данные путем интервьюирования, можно типологизировать изменения в социальном окружении информантов и таким образом выделить субъективные описания типов распространения МП, а также подкрепить их количественными описаниями персональных сетей. Вместе эти типы и описания могут затем быть оценены с точки зрения распространенности в рамках количественных исследований, например опросов или автоматизированного анализа документов. Истоки биографического метода в социальных науках, и социологии в частности, многоаспектны: обычно отсчет биографических исследований в социологии начинают с работ В. Томаса и Ф. Знанецки⁵⁸. Настоящая диссертационная работа развивает направление биографических исследований, ориентированных на изучение персональных осмыслений личного жизненного опыта, складывающегося в процессе социализации⁵⁹.

Серьезное влияние на развитие биографического метода в отечественной социологии оказали участники проекта «Век социальной мобильности» (Д. Берто,

⁵⁶ Радаев В. В. Рынок как переплетение социальных сетей // Российский журнал менеджмента. 2008. Т. 6. №. 2. С. 47–54.

⁵⁷ Varshaver E., Rocheva A. “Homeland-Rooted” or Acquired in the Receiving Society: How Does the Composition of Migrants’ “Co-Ethnic” Ties Affect Their Patterns of Integration? // Journal of International Migration and Integration. 2020. Vol. 22. №. 1. P. 347–368.

⁵⁸ Фукс-Хайнрици В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология и практика / Под ред. Е.Ю. Рождественской, В.В. Семенов. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11–41.

⁵⁹ Там же. С. 16. Наиболее известные представители: Schuetze F. Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. 1983. Vol. 13. №. 3. S. 283-293. Rosenthal G. Reconstruction of life stories: Principles of selection in generating stories for narrative biographical interviews // The narrative study of lives. 1993. Vol. 1. №. 1. P. 59–91.

В. Семенова, В. Журавлев, Е. Рождественская, С. Рождественский), а также Е. Фотеева, М. Малышева, Н. Козлова, Е. Трубина, А. Готлиб, Н. Цветаева, И. Голубович, В. Безрогов, О. Кошелева, Е. Здравомыслова, А. Темкина, А. Вардоматский, Е. Ярская-Смирнова, В. Голофаст, В. Нуркова, И. Разумова, С. Чуйкина⁶⁰. Помимо этого, вклад в развитие метода был внесен Б. Докторовым, Е. Омельченко, Н. Нартовой, О. Запорожец, Д. Рогозиным, А. Стрельниковой, А. Ваньке, Е. Полухиной, О. Зевелевой, и др.⁶¹. Некоторые российские исследователи уже совмещали биографический метод с сетевым анализом, однако объединение этих двух методологических подходов проходило на этапе анализа данных⁶²; в данной же диссертации эти подходы интегрируются не только при анализе данных, но и на этапе сбора эмпирического материала.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются теоретические и методологические подходы к изучению распространения МП.

⁶⁰ С. 15. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: ИД ВШЭ, 2012. – 381 с.

⁶¹ Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. М.: Директ-Медиа, 2014. – 1344 с. Pilkington H., Omel'chenko E. Russia's skinheads: exploring and rethinking subcultural lives. Abingdon, Oxon: Routledge, 2010. – 285. Omelchenko E., Nartova N., Krupets Y. Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women // Young, 2018. Vol. 26. № 1. P. 34–50. Запорожец О. Н. «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2017. № 44. С. 37–72. Рогозин Д. М., Колосов А. В. (Со)Переживание близости смерти // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 194–194. Стрельникова А. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 39–46. Тартаковская И., Ваньке А. Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 9–48. Полухина Е., Горяйнова А. Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 47–59. Зевелева О. И. Биографический метод и критический дискурс-анализ: перспективы сочетания // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2014. № 39. С. 7–39.

⁶² Мальцева Д. В. и др. Сетевой анализ биографических интервью: возможности и ограничения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. Т. 121. №. 1. С. 29–36.

Предметом исследования являются возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения МП на межиндивидуальном уровне (на примере ожирения).

Цель и задачи исследования

Цель: разработать теоретико-методологический подход для изучения распространения МП на межиндивидуальном уровне на основе адаптации методологии эго-сетевого анализа.

Задачи исследования

1. Систематизировать современные теоретические и эмпирические исследования МП.
2. Концептуализировать и операционализировать подход к измерению МП на межиндивидуальном уровне.
3. Систематизировать подходы к изучению онлайн про-ана сообществ в социальных, гуманитарных и медицинских науках, а также обосновать определение данного типа сообществ как моральных паникеров, распространяющих МП об ожирении.
4. Разработать методический инструментарий для изучения диффузии МП об ожирении на межиндивидуальном уровне с учетом особенностей данного процесса.
5. Апробировать разработанный инструментарий к измерению МП об ожирении на межиндивидуальном уровне и предложить рекомендации по дальнейшему использованию и развитию этого подхода.

Результаты решения задачи 1 изложены в статьях:

Михайлова О. Р. Кто использует понятие моральной паники? Библиометрический анализ научных публикаций // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 351–375.

Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 28–47.

Результаты решения задачи 2 представлены в двух статьях:

Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 28–47.

Mikhaylova O. Folk devils or moral entrepreneurs? Gap bridging in the social studies of pro-ana communities // Deviant Behavior. 2022. Vol. 43. No. 8. P. 912-925.

Результаты решения задачи 3 представлены в статье:

Mikhaylova O. Folk devils or moral entrepreneurs? Gap bridging in the social studies of pro-ana communities // Deviant Behavior. 2022. Vol. 43. No. 8. P. 912–925.

Результаты решения задач 4–5 приводятся в трех статьях:

Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 28–

47.

Mikhaylova O. Folk devils or moral entrepreneurs? Gap bridging in the social studies of pro-ana communities // *Deviant Behavior*. 2022. Vol. 43. No. 8. P. 912-925.

Mikhaylova O. Measuring Moral Panic Propagation on the Interpersonal Level: Case of Pro-ana Women Bloggers // *INTERaction. INTERview. INTERpretation*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 33–57.

Теоретические и методологические основания диссертационного исследования

Теоретические основания диссертационного исследования лежат в области конструктивистского подхода к исследованию девиации. При подготовке диссертации в целях систематизации источников литературы по МП был использован библиометрический метод, в то время как для анализа подходов к изучению про-ана сообществ был применен мета-теоретический анализ.

Эмпирическое исследование, проведенное в рамках диссертации (сбор и анализ биографических данных моральных паникеров), в котором применялся биографический метод в рамках качественного интервью, а также эго-сетевой анализ, позволило апробировать разработанный методологический инструментарий.

Обоснование методов и принципов отбора источников данных

Кейс МП относительно ожирения, помимо прочего, был выбран в силу наличия доступа к самоиницированным дневниковым записям (участницы исследования вели их по собственной воле, а не по просьбе исследователя)⁶³, которые были

⁶³ *Jones R. K.* The unsolicited diary as a qualitative research tool for advanced research capacity in the field of health and illness // *Qualitative Health Research*. 2000. Vol. 10. №. 4. P. 555–567.

триангулированы с данными биографических интервью, что позволило повысить обоснованность полученных выводов.

Для измерения связи между персональными социальными связями и верой в современную легенду об ожирении было проведено 50 биографических интервью с применением эго-сетевого анализа. Все интервью проводились в августе-сентябре 2020 года⁶⁴. Эти данные были дополнены информацией из публичных онлайн-дневников, принадлежащих участницам исследования, из социальной сети «ВКонтакте». При рекрутинге информанток использовалась целевая выборка⁶⁵, которая позволила добиться вариации участниц по возрасту, месту проживания и продолжительности ведения дневника⁶⁶.

Помимо стандартной компоненты биографического интервью – собственно самого нарратива о жизни человека с рождения до текущего момента – в ходе исследования задавались вопросы, позволяющие оценить степень веры в современную легенду об ожирении⁶⁷⁶⁸. Уточнялось, какие смыслы девушки вкладывают в избыточный вес⁶⁹, как они относятся к людям подобных параметров, а также задавались вопросы относительно про-ана культуры и того, как, по мнению участниц исследования, у них сформировались позиции по данным темам. Для сбора информации о социальном окружении (персональных контактах) информанток использовалась

⁶⁴ Более подробно мой подход к комбинации биографических интервью и эго-сетевых данных для измерения распространения современной легенды об ожирении в ходе МП изложен в статье: Михайлова О. Р. Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 28–47.

⁶⁵ Gentles S. J. et al. Sampling in qualitative research: Insights from an overview of the methods literature // The qualitative report. 2015. Vol. 20. №. 11. P. 1772-1789.

⁶⁶ См. выборку в приложении.

⁶⁷ Ringel M. M., Ditto P. H. The moralization of obesity // Social Science & Medicine. 2019. Vol. 237. №. P. 1–10.

⁶⁸ См. гайд интервью в приложении.

⁶⁹ Здесь и далее имеется в виду избыточный с точки зрения медицины вес тела.

методика концентрических окружностей Кана и Антонуччи⁷⁰. Кроме того, я расспрашивала участниц о вере в современную легенду у членов их социального окружения до возникновения про-ана идентичности и после, то есть были собраны сети разговоров информанток с окружением и членов окружения между собой на темы, связанные с едой, телом и избыточным весом («FBF talk networks»⁷¹).

Перед началом исследования все участницы дали информированное согласие, также в заключение каждого интервью был проведен дебрифинг⁷². После расшифровки транскрипты бесед были переданы информанткам для того, чтобы по необходимости дополнить сетевые данные, собранные в ходе интервью. Также обмен транскриптами с участницами исследования был осуществлен в целях обратной связи (выражения благодарности за участие в исследовании). Нарративные данные, полученные из интервью и дневников, анализировались при помощи тематического качественного подхода⁷³. В свою очередь, при анализе сетевых данных был применен смешанный сетевой анализ: посредством классификации сетей участниц были выделены типы распространения легенд (качественная часть)⁷⁴, и для каждой эго-сети были описаны такие базовые параметры как размер, структура и композиция (количественная часть)⁷⁵.

⁷⁰ Tubaro P., Casilli A. A., Mounier L. Eliciting Personal Network Data in Web Surveys through Participant-generated Sociograms // *Field Methods*. 2014. Vol. 26. № 2. P. 107–125. Van Waes S., Van den Bossche P. Around and around: The concentric circles method as powerful tool to collect mixed method network data. In: Van Waes, Van den Bossche (eds.) *Mixed methods approaches to social network analysis*. London: Routledge, 2020; p. 159–174.

⁷¹ O'Dougherty M. et al. Dual conversations: Body talk among young women and their social contacts // *Qualitative health research*. 2011. Vol. 21. № 9. P. 1191–1204. Roach E. et al. Family food talk, child eating behavior, and maternal feeding practices // *Appetite*. 2017. Vol. 117. P. 40–50. Shannon A., Mills J. S. Correlates, causes, and consequences of fat talk: A review // *Body image*. 2015. Vol. 15. P. 158–172.

⁷² См. формы информированного согласия и дебрифинга в приложении.

⁷³ Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative research in psychology*. 2006. Vol. 3. № 2. P. 77–101.

⁷⁴ Типы распространения легенды об ожирении – гомофилия, социальное влияние и коэволюция. Подробнее в статье: Михайлова О. П. Возможности применения эго- сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2021. № 2 (162). С. 28–47.

⁷⁵ Подробнее с результатами проведенного эмпирического исследования можно ознакомиться в статье: Михайлова О. Measuring Moral Panic Propagation on the Interpersonal Level: Case of Pro-ana Women Bloggers // *INTERaction. INTERview. INTERpretation*. 2022. Vol. 14. № 1. P. 33–57.

В рамках этой диссертационной работы не были оценены количественные модели распространения типа SAOM, ERGM или graph2vec⁷⁶, однако это потенциально возможно в будущих исследованиях, так же как и дальнейшее изучение взаимосвязи между сетевой структурой и степенью веры в легенду при помощи методов машинного обучения⁷⁷.

Ограничения исследования⁷⁸

Необходимо с осторожностью говорить о потенциале использованной методологии (интервью в сочетании с анализом сетевых метрик) для предоставления исчерпывающей информации о распространении МП и воздержаться от заключений о каузальности. Вместо этого следует говорить о субъективных проекциях, представлениях о порядке диффузии МП, к которым получает доступ исследователь в ходе биографических интервью и анализа персональных документов. Кроме того, в целях увеличения надежности реконструкции рекомендуется по возможности комбинировать несколько источников данных об эго, как это и было сделано в данном исследовании. Понятно, что в идеальном случае для объективного восстановления процесса вовлечения в МП требуется наличие лонгитюдных поведенческих данных, однако сбор такой информации затруднителен, и поэтому предлагаемый подход анализа

⁷⁶ Block P., Stadtfeld C., Snijders T. A. B. Forms of dependence: Comparing SAOMs and ERGMs from basic principles // *Sociological Methods & Research*. 2019. Vol. 48. №. 1. P. 202-239. Narayanan A. et al. graph2vec: Learning distributed representations of graphs // arXiv preprint arXiv:1707.05005. 2017.

⁷⁷ Evans J. A., Aceves P. Machine translation: Mining text for social theory // *Annual Review of Sociology*. 2016. Vol. 42. P. 21–50.

⁷⁸ Подробнее ограничения описаны в статьях: Михайлова О. П. Возможности применения эго-сетевоего анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2021. № 2 (162). С. 28–47. Михайлова О. Folk devils or moral entrepreneurs? Gap bridging in the social studies of pro-ana communities // *Deviant Behavior*. 2022. Vol. 43. No. 8. P. 912-925. Михайлова О. Measuring Moral Panic Propagation on the Interpersonal Level: Case of Pro-ana Women Bloggers // *INTERaction. INTERview. INTERpretation*. 2022. Vol. 14. №. 1. P. 33-57.

субъективных осмыслений трансформаций в персональных взглядах, пожалуй, является практически единственным возможным на данный момент способом изучения распространения МП в процессе межиндивидуального взаимодействия.

Одним из наиболее значимых открытых вопросов остается способность предлагаемого в диссертации подхода к различению влияния на формирование у человека отношения к современной легенде СМИ и воздействия, оказываемого межиндивидуальной коммуникацией. Однако, поскольку в современном обществе в ходе социализации мы погружены в целую совокупность различных медиа источников, маловероятно, что разграничение и, соответственно, выделение этих эффектов в принципе возможно. Более того, вполне вероятно, что подобная дифференциация будет в известной мере искусственной, поскольку диффузия МП имеет много-источниковый характер, и усилия по различению эффектов могут привести к чрезмерному упрощению описания процесса ее распространения.

К числу ограничений этой диссертации также относится апробация подхода только на одной МП (относительно ожирения). Возможно, что другие типы МП распространяются иным образом, например, потому что люди обладают разной восприимчивостью к содержанию легенд, которые циркулируют в рамках различных паник⁷⁹. В частности, данные различия могут быть связаны с чертами личности, что уже скорее является предметом для потенциального психологического исследования.

Помимо этого, ограничения работы могут быть связаны с культурным контекстом. Диффузия МП об ожирении анализировалась среди русскоязычных про-ана девушек; институциональная среда постсоветского пространства отличается от других, а потому требуются дополнительные исследования для выяснения наличия

⁷⁹ Critcher C., Pearce J. A missing dimension: The social psychology of moral panic. In: C. Krinsky (Eds), *The Ashgate Research Companion to Moral Panics*. London: Routledge, 2016; p. 371–386.

каких-либо культурно обусловленных особенностей распространения МП об ожирении. Подобная институциональная специфика может быть связана, например, с тем, что в разных культурных контекстах имеются свои типичные фигуры, с которыми обычно обсуждают тело, питание и связанные с этим темы.

Следует также отметить, что апробация проводилась на выборке, состоящей из людей, самоидентифицирующих себя как женщины, а многие сетевые исследования демонстрируют, что персональные связи представителей разных гендеров отличаются⁸⁰. Сходные ограничения касаются и других характеристик выборки, таких как возраст, раса, этничность, принадлежность к маргинальным группам, социально-экономическое положение, психологическое благополучие. Известно, что в связи с этими признаками люди могут по-разному формировать социальные отношения⁸¹ и потому возможно, что диффузия МП об ожирении среди людей с различной комбинацией упомянутых характеристик будет носить свою специфику.

В заключение следует отметить, что ограничения диссертации могут быть связаны с влиянием онлайн платформы на фрейминг участницами исследования нарративов в дневниковых записях, которые я анализировала⁸², а также методом интервью как инструментом для извлечения информации о персональных связях и жизненном опыте⁸³.

⁸⁰ *Benenson J. F.* Gender differences in social networks // *The Journal of Early Adolescence*. 1990. Vol. 10. №. 4. P. 472-495. *Igarashi T., Takai J., Yoshida T.* Gender differences in social network development via mobile phone text messages: A longitudinal study // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2005. Vol. 22. №. 5. P. 691-713.

⁸¹ *Parks M. R.* Personal relationships and personal networks. London: Routledge, 2007. – 316 p.

⁸² *O'Brien M. R., Clark D.* Unsolicited written narratives as a methodological genre in terminal illness: challenges and limitations // *Qualitative Health Research*. 2012. Vol. 22. №. 2. P. 274-284.

⁸³ *Doba K. et al.* Organization of the narrative components in autobiographical speech of anorexic adolescents: A statistical and non-linear dynamical analysis // *New Ideas in Psychology*. 2008. Vol. 26. №. 2. P. 295-308. *Bidart C., Charbonneau J.* How to generate personal networks: Issues and tools for a sociological perspective // *Field Methods*. 2011. Vol. 23. №. 3. P. 266-286.

Основные результаты исследования

Области изучения и контексты использования понятия «моральная паника»

Для того чтобы прояснить текущее состояние исследовательской области, образованной вокруг понятия «моральная паника», был осуществлен анализ материалов базы научного цитирования Web of Science. Было изучено 1296 публикаций из этой базы за 1972–2019 годы, которые можно найти по поисковому запросу «moral panic*»⁸⁴. Предыдущие исследования узусов понятия «моральная паника» в научных публикациях не опирались на систематический анализ корпуса работ⁸⁵, что могло вести к недостаточно обоснованным заключениям об использовании концепта. Научные работы в этом исследовании анализировались при помощи сетевого анализа, контент-анализа и тематического качественного анализа. По итогам были выявлены тематические направления, а также наиболее влиятельные страны, дисциплины, организации и авторы, связанные с изучением МП.

Обобщая полученную информацию об области, можно сказать, что сейчас понятие МП далеко не настолько популярно среди ученых, как это было в 2000-е годы, хотя и до 2000-х годов оно также не было востребовано. Пик использования пришелся на то время, когда употребление понятия вышло за рамки социологического и криминологического дискурсов и стало особенно актуальным для биомедицинских социальных исследований. На данный момент социология все еще превалирует над другими дисциплинами в использовании концепта МП. Кроме того, в работе было

⁸⁴ Звездочка используется для учета словоформ.

⁸⁵ *Garland D.* On the concept of moral panic // *Crime, Media, Culture*. 2008. Vol. 4. №. 1. P. 9-30. 1. *Krinsky C.* Introduction: The moral panic concept // *The Ashgate research companion to moral panics*. 2013. P. 1–14. *McLaughlin E.* See also Young, 1971: Marshall McLuhan, moral panics and moral indignation // *Theoretical Criminology*. 2014. Vol. 18. №. 4. P. 422–431. *Ефанов А. А.* Развитие концепта «моральные паники» в социокультурной ретроспективе // *Культура в фокусе научных парадигм*. 2019. № 9. С. 11–16.

выявлено, что самые цитируемые работы по МП связаны с онлайн-исследованиями. Кроме того результаты свидетельствуют в пользу того, что эрозии данного концепта, которой опасались многие исследователи, не произошло — количественно среди публикаций преобладают эмпирические исследования, касающиеся детей и молодежи. Вместе с тем по результатам анализа можно заключить, что исследования МП находятся в процессе развития, так как по количеству публикаций среди теоретических и методологических работ в основном превалируют те, в которых теория МП интегрируется с другими концептами и теориями. К лидирующим сейчас в области исследований МП странам относятся США и Великобритания, институты этих стран также преобладают по количеству цитирований среди организаций. Чаще остальных публикуют статьи по проблематике МП узкоспециализированные журналы; они же являются и наиболее цитируемыми. По работам наиболее цитируемых авторов заметно, что чаще всего ссылаются в исследованиях МП на тех, кто пишет об этом феномене в контексте онлайн-исследований (игровая зависимость, агрессия, размещение селфи), в то время как другие тематические контексты менее популярны. МП упоминают прежде всего в связи с теоретическим развитием этой темы, анализом роли СМИ в производстве МП, проблемами детей и молодежи и преступлениями.

Таким образом, заметно, что МП, будучи концептом, введенным в результате кейс-стади молодежи, продолжает преимущественно использоваться в исследованиях этой социальной группы, в то время как другие эмпирические исследования представлены в меньшей мере. Сопоставление с результатами анализа узусов данного концепта в прессе демонстрирует, что в научном дискурсе в сравнении с дискурсом медиа⁸⁶ превалируют иные контексты использования понятия. Однако заметно, что

⁸⁶ *Altheide D. L. Moral panic: From sociological concept to public discourse // Crime, Media, Culture. 2009. Vol. 5. № 1. P. 79–99.*

некоторые из тем, которые представлены в научном дискурсе (сексуальность, гендер, животные, культуры), все же соотносятся с критической левой активистской повесткой. Последняя, вероятно, способствовала тому, что эти темы и области исследований, с ними связанные, стали возникать в научном дискурсе и, возможно, в дальнейшем будут благоприятствовать его распространению⁸⁷. Кроме того мне не удалось зафиксировать явных признаков доминирования ни одной из выделенных А. Хантом моделей объяснения МП⁸⁸.

Новый теоретический ракурс рассмотрения феномена МП: про-ана как моральные паникеры

Существующие исследования МП в основном рассматривают представителей про-ана культуры как народных дьяволов МП об ожирении. То есть, про-ана культура изучается как объект моральных схваток между учеными, врачами, активистами, политиками, журналистами, родителями и многими другими социальными акторами, которые обеспокоены увеличением распространенности расстройств пищевого поведения ограничительного типа среди населения, таких как булимия, анорексия, орторексия, компульсивное переедание и прочие. В то же время, научные работы, посвященные про-ана культуре, не объясняют, как разного рода макро и микро-

⁸⁷ Miller T. Tracking moral panic as a concept. In: C. Krinsky (eds) The Ashgate Research Companion to Moral Panics, London: Routledge, 2016; 37–54 p.

⁸⁸ В социологии и криминологии А. Хант выделяет три теоретических направления, в которых используется понятие МП (теория групповых интересов, теория инжиниринга элиты и теория грассрутов). Согласно теории грассрутов, политики и медиа не могут внушать опасения относительно того, что уже не вызывает тревогу у членов аудитории. Соответственно, МП проистекают из существующего публичного опасения, и СМИ лишь его отражает. Эта теория считается теорией «снизу», в отличие от теории элит или групп интересов, в которых опасение формируется определенными группами, обладающими ресурсами, и затем массово тиражируется агентами распространения МП. Hunt A. 'Moral panic' and moral language in the media // British Journal of Sociology. 1997. Vol. 48. № 4. P. 629-648.

факторы, вносящие вклад в существование этих сообществ, функционируют совместно. Для того, чтобы поспособствовать решению проблем данных исследовательских областей (исследований про-ана культуры и МП об ожирении) был предложен новый теоретический ракурс, в рамках которого представители про-ана культуры рассматриваются как моральные паникеры МП об ожирении. В целях обоснования целесообразности подобной перспективы, были проанализированы примеры поведения представителей про-ана культуры, описанные в научной литературе, а также определение морального паникера МП относительно ожирения Ли Монагана и коллег⁸⁹. Эти исследователи определяли моральных паникеров через пять функций, которые те выполняют в ходе МП: 1) создание, 2) распространение, 3) поддержка, 4) контроль и 5) само-предпринимательство.

По результатам ревизии научной литературы, можно утверждать, что представители про-ана культуры участвуют в создании МП относительно ожирения, поскольку определяют и переопределяют общественные представления о том, кто обладает избыточным весом. Это происходит посредством обсуждения друг с другом и теми, кто не принадлежит к про-ана культуре, тем, связанных с похудением и избыточным весом, в морально-нагруженном ключе. Про-ана люди вносят вклад в распространение МП об ожирении, так как создают сообщества в социальных сетях, через которые посредством хештегов и прочих средств популяризации контента распространяют свои представления об этой проблеме. Кроме того, представители про-ана культуры поддерживают тех, кто стремится к похудению: худеют на спор, создают массовые соревнования-марафоны по похудению, делятся рекомендациями по поддержанию своего веса друг с другом. Кроме-того, члены про-ана сообществ

⁸⁹ *Monaghan L. F., Hollands R., Prtichard G. Obesity epidemic entrepreneurs: Types, practices and interests // Body & Society. 2010. Vol. 16. №. 2. P. 37–71.*

контролируют следование современной легенде об ожирении друг друга: так, если кто-то не достаточно жестко придерживаются принципов про-ана культуры, (например, не теряют в весе с ожидаемой скоростью или не ставят лайки под каждым из постов, которые публикуются в про-ана группах, не пишут регулярно одобрительные комментарии под постами и т.п.), то этих людей удаляют из про-ана групп по жалобам других членов или по инициативе администраторов, а также закрывают им доступ для вступления в аналогичные про-ана группы в интернете. Массовое исключение из про-ана сообществ недостаточно строго следующих про-ана культуре становится возможным, поскольку члены различных про-ана сообществ обмениваются между собой информацией о «ненадежных» адептах про-ана культуры. Последнее, что также свойственно представителям про-ана культуры как моральным паникерам современной легенды об ожирении – это само-предпринимательство. Само-предпринимательство в данном случае заключается в том, что про-ана люди демонстрируют на себе как «правильно» верить в современную легенду об ожирении, а не только ожидают этого от других. То есть представители про-ана культуры сами стремятся быть как можно более худыми, худеют экстремальными способами и осуждают людей с излишним весом.

Из приведенных иллюстраций становится понятным, что представители про-ана культуры действительно выполняют функции моральных паникеров, конструирующих ожирение как острую социальную проблему, а, значит, могут изучаться именно как таковые, а не только как народные дьяволы.

Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне

На основе анализа литературы, посвященной проведению интервью, в рамках которых собираются эго-сетевые данные, и публикаций, раскрывающих специфику обработки таких данных, была описана процедура сбора эго-сетевых данных и специфика их анализа. Кроме того, были сформулированы перспективы, которыми обладает данная методическая стратегия для изучения распространения МП на межиндивидуальном уровне и даны рекомендации по ее использованию на практике. Предложенные практические рекомендации касаются вопросов методического выбора, которые необходимо осуществить в процессе подготовки исследования: характера вопросов, задаваемых для определения лиц, входящих в социальное окружение паникера, использования картирования эго-сетей в процессе сбора и анализа данных.

Суть предложенной методики в следующем. При сборе эго-сетевых данных в ходе интервью, ориентированных на изучение распространения МП на межиндивидуальном уровне, предлагается сначала расспросить информанта о степени веры в современную легенду или выявить ее косвенными методами, например, при помощи анализа личных документов. Предлагается начинать интервьюирование с выяснения установок информанта по отношению к современной легенде, потому что это в дальнейшем может помочь участнику исследования оценить степень веры в нее у альтеров, а также связь их веры с установками и практиками эго. Далее следует перейти к непосредственному сбору эго-сетевых данных, а именно составить перечень индивидуальных и коллективных акторов, которые являются членами эго социального окружения (альтеров). После этого нужно уточнить свойства альтеров, например их роли, социально-демографические характеристики, а также степень веры в современную легенду у каждого из них, по мнению информанта. Далее необходимо

обсудить связи, которые существуют между членами социального окружения человека, в том числе уточнить порядок и способы обсуждения современной легенды среди них. В заключение можно нарисовать карту окружения информанта и проверить корректность зафиксированных в ходе интервью связей между эго и его альтерами. Анализ собранных нарративных и сетевых данных о социальном окружении информанта можно осуществить, используя как количественные методы анализ собранных сетевых данных (описать характеристики сетей, например метрики центральности, плотность и прочее), так и качественные и количественные методы анализа текстов для экспликации содержательных описаний связей эго и альтеров.

Касательно перспектив предлагаемой методической стратегии, было выяснено, что, во-первых, она позволяет выяснить истории включения в МП и помогает напрямую изучить механизмы вовлечения человека в этот процесс, а, следовательно, и определить факторы, которые в прошлом способствовали формированию текущей степени веры морального паникера в современную легенду. Во-вторых, был сделан вывод о том, что сбор и анализ данных о социальном окружении морального паникера в динамике потенциально может способствовать расширению наших знаний о том, как социальное окружение таких людей связано со степенью их веры в современную легенду. Эти знания могут формироваться как в результате качественного анализа данных нарративов, так и из количественной оценки эго-сетей, получаемых при помощи интервьюирования. Кроме того, в случае использования на этапе анализа данных количественных методов лонгитюдного сетевого моделирования, становится возможным осуществление прогнозов относительно будущих установок, а также предсказания характеристик окружения человека, способствующих его/ее включению в МП. Такая информация может быть использована не только в исследовательских целях, но и для предупреждения развития МП. Возможно, что в дальнейшем, при

помощи метода эго-сетевого анализа, выяснится, что в зависимости от типа паники действуют различные механизмы распространения современной легенды. Помимо этого, может быть выявлена степень значимости персональных контактов для распространения разных типов паник. Я предполагаю, что эго-сетевой анализ также может потенциально ответить на вопросы о том, почему разные по способам воздействия на аудиторию паники распространяются с соизмеримой скоростью и приобретают сопоставимые масштабы.

Измерение распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне: кейс русскоязычных женщин про-ана блогеров

В данном исследовании была проведена апробация предложенной стратегии изучения распространения МП на межиндивидуальном уровне на эмпирическом кейсе МП относительно ожирения. Русскоязычные женщины про-ана блогеры, которые ведут блоги о про-ана культуре в социальной сети «ВКонтакте», рассматривались как моральные паникеры, которые создают МП вокруг избавления от «лишнего» веса. Отбор участниц исследования осуществлялся путем целевой выборки, которая позволила добиться вариации участниц по возрасту, месту проживания и продолжительности ведения дневника. С ними были проведены 50 биографических интервью и проанализированы материалы их публичных онлайн дневников в социальной сети «ВКонтакте». По результатам качественного тематического анализа нарративов и количественного эго-сетевого анализа сетей были выявлены смыслы, которые про-ана блогеры атрибутируют худобе, типы отношений к людям, с избыточным весом тела, а также основные распространители современной легенды об ожирении в окружении про-ана блогеров и типы распространения данной легенды.

Обнаруженные смыслы, вкладываемые в худобу, в целом соответствуют тем, о которых рассказывают женщины с диагностированной анорексией в зарубежной литературе⁹⁰, особых, специфических для русскоязычных участниц данного исследования, не было обнаружено. Выявленные установки по отношению к людям с избыточным весом тела не отличаются от направлений фэт фобии и морализации ожирения, которые были описаны в предыдущих исследованиях на англоязычных выборках⁹¹. В сравнении с предыдущими работами, посвященными анализу социальных сетей людей с диагностированной и не диагностированной анорексией⁹², однако, было выявлено большее число альтеров, составляющих социальное окружение таких девушек, и воздействующих на их взгляды по отношению к собственному телу и телам других людей. Также было показано, что эти люди в окружении связаны между собой и среди них существуют собственные дискуссии, которые воздействуют на веру в легенду об ожирении самой про-ана блогера.

Полученные в эмпирическом исследовании типы распространения МП соотносятся моделью распространения паники об ожирении моральными предпринимателями Ли Монагана и коллег⁹³, поскольку диффузия легенды осуществляется сразу несколькими акторами из социального окружения, медиа источниками и самими про-ана людьми, то есть является много-источниковой. Таким образом, в данном исследовании получилось не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне подтвердить возможность рассмотрения про-ана людей как

⁹⁰ *Espíndola C. R., Blay S. L.* Anorexia nervosa's meaning to patients: a qualitative synthesis // *Psychopathology*. 2009. Vol. 42. №. 2. P. 69-80.

⁹¹ *Crandall C. S.* Prejudice against fat people: ideology and self-interest // *Journal of personality and social psychology*. 1994. Vol. 66. №. 5. P. 882-894. *Ringel M. M., Ditto P. H.* The moralization of obesity // *Social Science & Medicine*. 2019. Vol. 237. P. 1-10.

⁹² *Leonidas C., Dos Santos M. A.* Social support networks and eating disorders: An integrative review of the literature // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2014. Vol. 10. P. 915-927.

⁹³ *Monaghan L. F., Hollands R., Prtichard G.* Obesity epidemic entrepreneurs: Types, practices and interests // *Body & Society*. 2010. Vol. 16. №. 2. P. 37-71.

моральных предпринимателей легенды об ожирении. К тому же удалось продемонстрировать, что эго-сетевой анализ биографических интервью в комбинации с онлайн дневниками позволяет описать и типологизировать способы распространения МП на межиндивидуальном уровне.

Положения, выносимые на защиту

1. Систематизация современных теоретических и эмпирических исследований МП продемонстрировала, что измерение распространения МП является одной из наиболее трудных задач для исследователей этого феномена с момента его оригинальной концептуализации С Козном и Д. Янгом. Было показано, что современные аналитические инструменты изучения распространения МП не позволяют (а) напрямую проанализировать включение человека в этот феномен и (б) не учитывают влияние социального окружения и его различных характеристик на восприятие человеком современной легенды, циркулирующей в ходе МП.

2. Концептуальный и операциональный анализ способов измерения МП на межиндивидуальном уровне показал, что продуктивным теоретико-методологическим подходом к измерению распространения МП среди членов аудитории (на микроуровне) является анализ аудитории МП как сети, где узлами являются люди, а взаимодействия (разговоры, совместные действия и др.), связанные с циркуляцией современной легенды — связями между ними. Соответственно, каждый человек из аудитории — это эго, а его окружение — альтеры. Альтеры, как и эго, обладают определенной степенью веры в современную легенду, которая распространяется в ходе МП, а потому как эго, так и альтеры, могут воздействовать на степень веры в легенду друг друга. Подобная концептуализация распространения МП демонстрирует, что социальное окружение

человека позволяет сформироваться и закрепиться его восприятию МП и роли в ней, а также модифицировать эту роль.

3. Систематизация подходов к изучению онлайн про-ана сообществ в социальных, гуманитарных и медицинских науках продемонстрировала, что рассмотрение членов про-ана сообществ не только как народных дьяволов МП об ожирении, но и как моральных предпринимателей, позволяет показать подвижность ролей акторов в МП и демонстрирует на теоретическом уровне, как соотносятся между собой макро-дискурс МП об ожирении (на уровне СМИ и институтов) и разнообразные микро-практики и дискурсы людей, вовлеченных в нее. А именно показано, что взаимодействие про-ана людей со своим социальным окружением опосредует интернализацию морализации ожирения, осуществляемую на макроуровне в ходе распространения МП.

4. Разработанный методический инструментарий для изучения диффузии МП об ожирении на межличностном уровне основан на эго-сетевом анализе и биографическом методе. Для сбора данных применяются биографические интервью, ключевым элементом которых выступает методика концентрических окружностей Кана и Антонуччи (иерархическое картирование). Этот инструментарий позволяет наряду с нарративами зафиксировать трансформации в социальном окружении человека по мере изменения его веры в современную легенду об ожирении, что значительно расширяет возможности по изучению динамики распространения МП на межличностном уровне.

5. Предложенный теоретико-методологический подход был успешно апробирован в эмпирическом исследовании. Данный подход позволил, во-первых, описать смыслы, вкладываемые в современную легенду об ожирении, распространяемые носителями

МП, их отношение к худобе и людям с избыточной с точки зрения медицины массой тела. Во-вторых, предложенный подход дал возможность типологизировать изменения в персональных сетях людей с про-ана взглядами, которые произошли в ходе межиндивидуальных взаимодействий – выделены типы «социальное влияние», «гомофилия», «чистая коэволюция», «коэволюция с элементом социального влияния» и «коэволюция с элементом гомофилии». Таким образом продемонстрировано, что результаты, полученные при помощи разработанного подхода, позволяют получить более детальную и насыщенную теоретическую картину механизмов диффузии МП.

Научная новизна исследования (вклад в развитие предметного поля)

1. Систематический обзор современных теоретических и эмпирических исследований МП позволил выявить ключевые тематические направления, а также наиболее влиятельные страны, дисциплины, организации и персоналии, связанные с изучением МП. Кроме того, обзор подтвердил наличие серьезной лакуны в исследованиях МП, которая заключается в отсутствии методологических средств для учета характеристик социального окружения индивида в распространении МП.

2. Осуществленная систематизация литературы, посвященной про-ана сообществам, позволила продемонстрировать, что последние выполняют функции моральных паникеров, конструирующих ожирение как острую социальную проблему. Таким образом, в дополнение к массе предыдущих исследований, показано, что представители про-ана сообществ могут изучаться именно как субъекты распространения паники (моральные паникеры/предприниматели), а не только как ее объекты (народные дьяволы).

3. Показано, что разработанный и апробированный теоретико-методологический инструментарий для изучения диффузии МП об ожирении на межиндивидуальном уровне, основанный на адаптации методов эго-сетевого анализа, позволяет учесть эффекты непосредственного социального окружения в распространении МП. Данный подход, таким образом, значительно расширяет исследовательские возможности в области междисциплинарных исследований МП, которые до настоящего времени были в большой степени сфокусированы на анализе СМИ.

Список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации:

1. *Mikhaylova O.* Measuring Moral Panic Propagation on the Interpersonal Level: Case of Pro-ana Women Bloggers [на рус. *Измерение распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне: кейс русскоязычных женщин про-ана блогеров*] // INTERaction. INTERview. INTERpretation. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 33-57.
2. *Mikhaylova O.* Folk devils or moral entrepreneurs? Gap bridging in the social studies of pro-ana communities [на рус. *Новый теоретический ракурс рассмотрения феномена МП: про-ана как моральные паникеры*] // Deviant Behavior. 2022. Vol. 43. No. 8. P. 912-925.
3. *Михайлова О. Р.* Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межиндивидуальном уровне // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 28–47.

4. Михайлова О. Р. Кто использует понятие моральной паники?

Библиометрический анализ научных публикаций // Социологическое обозрение. 2020.

Т. 19. № 3. С. 351–375.

Приложение

Выборка

Таблица 1

Описание выборки

№	возраст	город текущего проживания	продолжительность ведения дневника ⁹⁴
1.	17	Уфа	11
2.	19	Санкт-Петербург	36
3.	20	Алматы	10
4.	19	Ижевск	8
5.	17	Ростов-на-Дону	8
6.	17	Москва	16
7.	15	Слободской	5
8.	17	Сургут	14
9.	20	Рязань	11
10.	17	Екатеринбург	12
11.	15	Губкин	3
12.	16	Сургут	17
13.	16	Санкт-Петербург	8
14.	19	Находка	1
15.	18	Московская область	34
16.	18	Балашов	10

⁹⁴ На момент проведения исследования в месяцах

№	возраст	город текущего проживания	продолжительность ведения дневника ⁹⁴
17.	16	Рязань	7
18.	19	Тюмень	13
19.	25	Париж	41
20.	24	Киев	31
21.	22	Санкт-Петербург	17
22.	15	Томск	8
23.	20	Москва	6
24.	23	Москва	2
25.	19	Москва	4
26.	17	Киров	2
27.	17	Нижний Тагил	10
28.	16	Нижний Тагил	6
29.	17	Сургут	6
30.	17	Псков	7
31.	18	Барнаул	26
32.	17	Иркутск	12
33.	17	Санкт-Петербург	4
34.	17	Ростов-на-Дону	15
35.	14	Расказово	10
36.	19	Воронеж	10
37.	14	Саранск	5
38.	20	Мурманск	5
39.	14	Уфа	1
40.	17	Барнаул	2
41.	18	Санкт-Петербург	6
42.	17	Архангельск	1
43.	15	Гольянти	5
44.	17	Новокузнецк	дневник удален, девушка отправилась на лечение в ПНД (психоневрологический диспансер), по этическим соображениям содержимое ее дневника не использовалось в исследовании
45.	20	Омск	8
46.	24	Минск	5
47.	20	Санкт-Петербург	5
48.	15	Владивосток	4
49.	22	Санкт-Петербург	22

№	возраст	город текущего проживания	продолжительность ведения дневника ⁹⁴
50.	17	Москва	10

Информированное согласие

Код участника: _____

**Информированное согласие
на участие в исследовании**

Здравствуйте, _____!

Стажер-исследователь и аспирантка факультета социальных наук департамента социологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики приглашает Вас принять участие в социологическом исследовании, **целью которого является изучение механизмов распространения про-ана культуры на основе биографических свидетельств женщин, которые сейчас принадлежат к этой культуре или принадлежали в прошлом.** Руководитель исследования – магистр соц. наук. Михайлова Оксана Рудольфовна, тел. *****.

В этом исследовании принимают участие только женщины, которые ведут дневники о про-ана культуре в социальной сети «ВКонтакте».

Добровольность участия.

1. Ваше участие в исследовании исключительно добровольно.
2. Вы можете принять решение **не** участвовать в исследовании сейчас или отказаться продолжать участвовать на любом этапе без каких-либо негативных последствий.

Конфиденциальность.

При упоминании сказанного Вами в публикациях, Ваше имя будет изменено на то, которое вы сообщите. Все результаты будут представляться только в общем массиве, а не индивидуально. Все данные, собранные в ходе исследования, будут доступны только руководителю исследования.

Выгоды.

Участие в исследовании не предполагает получение информанткой денежной или материальной компенсации, или какой-либо другой прямой выгоды. Однако, информация, полученная в ходе этого исследования, может в будущем принести пользу и Вам, и другим людям.

Я надеюсь, что Вам также будет полезным увидеть сделанный транскрипт интервью с Вами, чтобы глубже понять собственную позицию относительно про-ана культуры, ее место в Вашем биографическом опыте, и осознать значение в Вашей жизни дневника о про-ана культуре, который Вы ведете. Этот транскрипт будет выслан Вам на электронный адрес, который Вы укажете ниже в течение двух недель после проведения интервью.

**ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИНФОРМИРОВАННОГО СОГЛАСИЯ НА УЧАСТИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ**

Подписывая данную форму информированного согласия, я подтверждаю, что услышала, прочитала и поняла цели и процедуру участия в исследовании. У меня была возможность задать все интересующие меня вопросы. Я получила удовлетворительные ответы и уточнения по всем вопросам, интересовавшим меня в связи с данным исследованием. Я даю свое согласие на участие в исследовании.

Подпись участника исследования	Дата: « ____ » _____ 2020
--------------------------------	---------------------------

email _____

Гайд

Гайд интервью по проекту: «Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники (на примере ожирения)»

Данный гайд является опорным инструментом для проведения биографического полуструктурированного интервью. Также в рамках него собираются эго сетевые данные информанток (социальные связи). Задавание вопросов гайда в описанной последовательности – не обязательно, интервьюер ориентируется и решает какие вопросы будут подниматься, а какие нет исходя из хода интервью. Главным для интервьюера является раскрытие тем, обозначенных жирным шрифтом, вопросы детализирующие темы, носят вспомогательный характер. Все уточнения, предназначенные для интервьюера, отмечены по тексту гайда курсивом.

Приветствие и инструктаж

Здравствуйте!

Сегодня мы поговорим с Вами по поводу Вашей биографии, а также дневника, который Вы ведете, спасибо, что согласились принять участие в исследовании.

Перед тем как мы начнем нашу беседу, еще раз остановлюсь на ее процедуре.

Это интервью будет записываться на диктофон, все данные будут храниться и анализироваться в анонимизированном, обобщенном виде.

В интервью будет несколько фаз, я расскажу о них по ходу разговора. Ответы на любой из вопросов в рамках нашей беседы не являются обязательными, если какие-то из затрагиваемых тем для Вас будут чересчур тяжелыми, Вы можете отказаться от разговора о них. Также, Вы всегда можете прервать интервью и не продолжать его, если почувствуете, что Вам по каким-то причинам некомфортно.

Скажите, пожалуйста, есть ли у Вас какие-то вопросы по процедуре?

Ответить на вопросы информантки, если они есть, если нет, переходить к биографической части интервью.

Биографическая часть

Итак, для начала расскажите, пожалуйста, о себе. Как Вас зовут? Сколько Вам лет? Чем Вы занимаетесь, может учитесь, работаете?

Сколько лет Вы ведете дневник? Первый ли он в Вашей жизни? Почему Вы решили его вести?

После представления и краткого рассказа о дневнике:

Понятно, тогда давайте перейдем уже к Вашему биографическому рассказу.

Я предлагаю Вам начать с любого момента Вашей жизни, который Вам важен, который Вы считаете начальным, и просто рассказать о своем пережитом, я не буду Вас прерывать. Вы можете рассказывать с самого начала, например, с самого рождения, может еще с какого-то момента и вплоть до настоящего времени.

После того, как Вы закончите говорить, я задам несколько уточняющих вопросов. Такой рассказ обычно достаточно продолжителен, не менее 10–15 минут. Постарайтесь, пожалуйста, как можно подробнее рассказать о своей жизни до текущего момента. Чем более подробно Вы расскажете, тем меньше мне нужно будет скорее всего задавать Вам уточняющих вопросов.

После рассказа и уточняющих вопросов:

Генерация имен альтеров (членов социального окружения)

Спасибо, понятно, а давайте теперь поговорим о Ваших социальных контактах, Вашем окружении.

Запишите, пожалуйста, на бумаге в столбик имена людей, которые наиболее значимы для Вас. Нет никакого ограничения на количество людей, которых Вы назовете, не важно также, насколько часто Вы поддерживаете связь с этими людьми, и где с ними общаетесь.

После того как информантка составила список:

Скажи, пожалуйста, а Вы не забыли упомянуть тех, с кем у Вас негативные связи, то есть конфликты / недопонимания?

Хорошо. А, что для Вас означает значимость?

Спасибо, поняла.

После составления списка и уточнения критериев его формирования:

Интерпретация имен альтеров

А теперь, расскажите, пожалуйста, об этих людях, которых Вы записали в список (кто они, возраст, род занятий, как Вы с ними познакомились, почему они для Вас значимы)? *(Спрашиваем про каждое имя последовательно, менее подробно про тех, про кого уже было рассказано в ходе биографической части интервью, но все равно выясняем, почему эти люди значимы для информантки).*

Матрица отношений альтеров

Давайте с Вами теперь обсудим взаимоотношения людей, которых Вы упомянули. Расскажите, пожалуйста, кто из них знаком друг с другом? Опишите, пожалуйста, отношения между ними. Можно ли их разделить на какие-то группы?

Иерархическое картирование

Теперь давайте с Вами нанесем этих людей на карту (*Представлена ниже на Рис. 1*). Если Вы еще кого-то вспомнили, тоже можете этого человека / нескольких людей включить в свою карту. Вы расположены в центре, чем ближе человек к центру карты, тем он более значим для Вас.

(*после составления рисунка*): Теперь расскажите, пожалуйста, почему Вы поместили людей в эти круги.

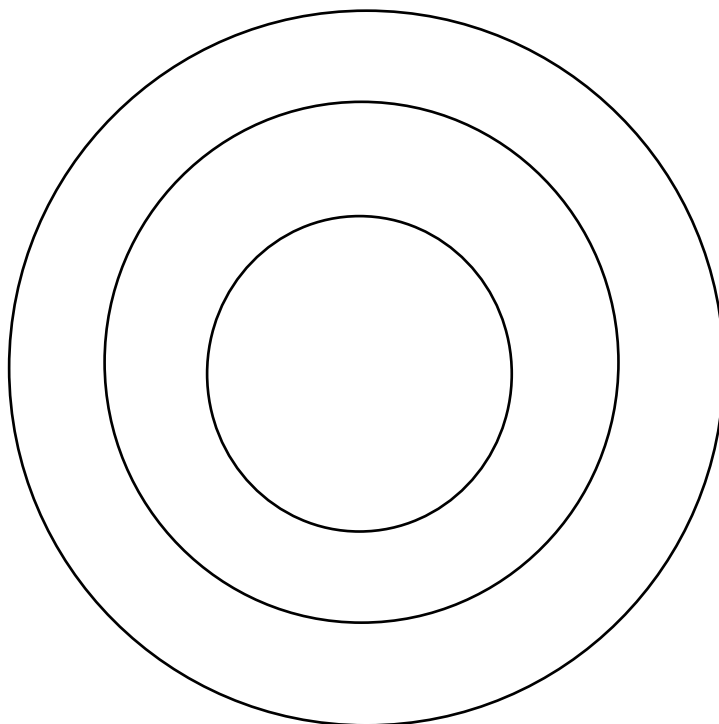

Рис. 1. Заготовка для иерархического картирования социальных связей информантки.

Отношение к про-ана культуре, восприятие анорексии, фэтфобия, телесные практики и образ тела у себя и окружения

Расскажите, теперь, подробнее о своем отношении к про-ана культуре. Что это для Вас? Как Вы о ней узнали? В чем для Вас проявляется следование ей?

Как Вы относитесь к другим людям, которые следуют этой культуре? / не следуют ей? Как, по Вашему мнению, те, кто не следуют, относятся к Вам, а те, кто следуют ей?

В целом, для Вас анорексия и другие РПП (расстройства пищевого поведения) – это болезнь? (*Вопросы задаются если не были заданы в ходе уточнения или упомянуты в процессе биографического рассказа самой информанткой.*)

Как Вы относитесь к полным людям? Как Вы относитесь к своему телу?

Скажите, пожалуйста, а с кем из тех людей, которых Вы записали в списке, Вы когда-либо обсуждали вопросы, связанные со своим телом, принципами питания, похудением? Не важно, как давно, часто и насколько позитивные это связи, и где Вы с ними общались на эту тему.

Касательно тех людей, с которыми Вы разговаривали о похудении, принципах питания и теле, можете ли Вы подробнее рассказать о том, в каких обстоятельствах возникали эти разговоры, как часто это происходило / происходит. О чем Вы беседуете с ними? Каких практик по отношению к своему телу эти люди придерживаются? Как Вы думаете, почему они склонны к тому, чтобы так относиться к своему телу и чужим телам? Отличается ли их отношение к своему телу и телам других от Вашего?

Может быть Вы знаете, а кто из этих людей обсуждает между собой вопросы, связанные с питанием, похудением? О чем они разговаривают? В каких обстоятельствах это происходит?

Проективный ассоциативный тест, самооценка своего жизненного опыта, проекция будущего, завершение интервью и подведение итогов беседы

Хорошо, понятно, спасибо!

Мы с Вами практически закончили наше интервью и хотелось бы остановиться на трех последних вопросах.

Какие ассоциации у Вас есть с про-ана культурой, назовите, пожалуйста, может 2–3?

И вот если резюмировать свою жизнь до текущего момента, если Вы себя представите таким аналитиком, чтобы Вы про себя сказали?

Последний вопрос, вот мы сегодня с Вами обсудили Ваше прошлое, настоящее, а если помечтать, подумать о Вашей жизни в будущем, какой она Вам представляется?

Спасибо Вам за беседу, может Вы еще что-то хотите добавить?

*Дебрифинг форма***Информационное сообщение по результатам участия в исследовании:****«Возможности применения эго-сетового анализа для изучения распространения моральной паники (на примере ожирения)»**

Дата: « _____ » _____ 2020

Уважаемая, _____, благодарю Вас за участие в исследовании и хочу немного подробнее рассказать Вам о формате интервью, в котором Вы приняли участие, а также поделиться с Вами транскриптом проведенного интервью (см. в Приложении к письму).

Интервью, которое мы с Вами провели, состояло из трех основных частей. Задачей первой (биографической) части было выяснить причины, предпосылки, Вашего столкновения с про-ана культурой. Вторая часть была направлена на прояснение роли социального окружения (Вашей семьи, одноклассников, друзей и приятелей) в формировании Вашего отношения к собственному телу и про-ана культуре. Функция третьей части заключалась в детализации Ваших про-ана взглядов, то есть я хотела понять, что значит быть «про-ана» именно для Вас. Также мне было важно выяснить, почему вести дневник о «про-ана» культуре так важно для Вас.

Результаты проведенного исследования я планирую представить на нескольких международных конференциях и опубликовать их в ряде статей на английском языке. После публикации статей я обязательно вышлю Вам их тексты и ссылки на них и предоставлю краткое описание их содержания.

Если у Вас остались какие-то вопросы по исследованию, или есть желание скорректировать транскрипт / дополнить его, Вы всегда можете обратиться ко мне по почте ***** или связаться со мной по телефону *****.

С уважением,
Михайлова Оксана Рудольфовна,
стажер-исследователь и аспирантка факультета социальных наук департамента социологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики.